

Сергей Собянин дал интервью радиостанции «Говорит Москва»

24.07.2015

23 июля мэр Москвы Сергей Собянин дал интервью радиостанции «Говорит Москва».

Сергей Доренко: Мы продолжаем. С нами Сергей Семёнович Собянин, Мэр Москвы. Я очень рад Вашему визиту. Пять лет. Когда у вас точно пять лет в должности?

Сергей Собянин: В октябре, 21-го.

Сергей Доренко: Я почему-то мечтательно думал, что в августе. Но всё равно пять лет. Когда Вы соглашались, Вы понимали, что Москва такая ревнучая, такая привычная к своим, в особенности старые москвичи, — они такие капризные немножко.

Сергей Собянин: Сергей Леонидович, я же знал Москву за много лет до того, как пришёл работать Мэром. Я работал и в Совете Федерации, в администрации, в Правительстве, и достаточно много сталкивался с москвичами. И в общем уже скажу, что неплохо знал Москву, но, конечно, такого накала страстей ожидать было сложно.

Сергей Доренко: Но он был?

Сергей Собянин: Он был, тем более что Вы хорошо помните этот период времени, конец 2010 — начало 2011 года, была непростая политическая и экономическая ситуация, так что я попал в самое время.

Сергей Доренко: Это правда. Но ещё один фактор: всё-таки предыдущий Ваш предшественник проработал 18 лет и сделался какой-то константой, и люди думали: вот всё рухнет. И ничего не рухнуло. И ничего не рухнуло.

Скажите, пожалуйста, ну вот всё-таки если коротко про пять лет, всё-таки вернуться чуть-чуть к пяти годам. Если бы Вы, зажмурившись, однажды сказали, я сделал это. Что бы Вы про себя сказали за эти пять лет вот?

Сергей Собянин: Сложный вопрос.

Сергей Доренко: Ну так, тезисно.

Сергей Собянин: На него коротко сложно ответить. Потому что приходится заниматься целым комплексом самых различных вопросов, но, мне кажется, главное, что произошло в городе, — это изменилась некая идеология его развития. Как мне кажется, в предыдущие годы город становился всё более и более недружественным к самим москвичам, к людям, которые здесь проживают, — он становился более жёстким, более перегруженным машинами, меньше было общественного пространства, меньше было комфорта в городе.

Сергей Доренко: Да, за комфортом мы уезжали в Рим, Париж, Мадрид.

Сергей Собянин: Абсолютно. Вся стратегия города выстраивалась на одно — на развитие девелоперского бизнеса, застройку центра, всё больше и больше машин, всё меньше и меньше пространства для горожан. Мне кажется, нам удалось изменить эту идеологию. Не то, что мы её полностью искоренили, но тем не менее тренды, как мне кажется, изменили. Потихоньку, постепенно город становится более благоустроенным, более добрым, более комфортным. Мне кажется, это главное.

Сергей Доренко: А если вспомнить про климат. Вот понимаете, есть Средиземноморье, где спонтанная уличная жизнь, спонтанная уличная жизнь, есть её две тысячи лет истории, три тысячи лет истории спонтанной уличной жизни. А у нас пять месяцев зима. И вот когда мы движемся в эту сторону, я думаю: не парадоксально ли это, ведь мы скоро опять заберёмся по щелям, включим отопление, начнём играть в домино, в карты, смотреть телевизор. Нам не до того, чтобы идти на улицу, зябко.

Сергей Собянин: Сергей, на самом деле это, пожалуй, одна из таких самых серьёзных проблем по сравнению с европейскими городами, где можно круглый год цветочки сажать, гулять чуть ли не в шортах и ездить на велосипедах. Москва — совершенно другой город — северный город, наверное, самый большой северный город по численности населения. И климат здесь тот ещё, что называется.

Сергей Доренко: И велосипедные дорожки.

Сергей Собянин: Да, И велосипедные дорожки. И мы с самого начала задумались, а что собственно, как будет жить москвич зимой, что ему предложить в зимнее время. У нас была такая поговорка:

парки зимой спят. Это означает, что в парки люди не ходят, парки закрываются, на улицах гололёд. Что ещё делать? Мы изменили эту ситуацию. Сегодня зимой в парки москвичей ходит больше или по крайней мере не меньше, чем летом. Потому что там создана инфраструктура, созданы прекрасные катки с искусственным льдом, зимние горки, лыжня, имеется соответствующее зимнее благоустройство, проходят рождественские ярмарки, и так далее и так далее. Почему-то оказалось, что на самом деле зима для Москвы — это не проблема, это её изюминка, ради которой приезжают туристы, любят зимним городом, и ничего в этом плохого нет. Просто мы такие — мы разные. Летом одни, зимой другие, и в этом есть своя прелесть.

Сергей Доренко: В бедные времена, голодные времена мы просили, Эльвира просила, я просил, по деньгам, ну как бы по доходам. Кто как, кто на 40 процентов, статистика говорит на шесть — на восемь. И мы сейчас ездим, откровенно, мы видим какой-то бешено богатый город — Москва при в общем нам... А мы немножко победнели. Я знаете, о чем говорю? Например, бордюры меняют каждый год. Ну вот серьёзно, вот подумайте. Мы думаем сейчас, ну у нас же тоже там свои ремонты какие-то маленькие: где-то на кухне надо подлатать, где-то подкрасить, вот, у кого-то забор. Я за городом живу. Значит, у меня там забор, ещё что-то. Я думаю, не на этот год буду, на следующий. Значит, ты там что-то своё. А Москва шикует: столько асфальта. Я знаю, сколько асфальт стоит, — мне армяне предлагали. Ужас, сколько стоит. А Вы, кажется, вы остались богатым городом беднеющих людей. Нет?

Сергей Собянин: Мне много раз предлагали, говоря о том, что, ну слушайте, кризис же, давайте мы ничего в городе делать не будем.

Сергей Доренко: Мы бы поняли.

Сергей Собянин: Да. И все бы поняли это. Давайте прекратим заниматься благоустройством, парками, скверами, пешеходными дорожками, площадями Москвы. Зачем эти фасады отмывают, зачем убирать эти провода, которые висят над головой и так далее. Да пусть оно всё как есть, зачем на это деньги тратить? С одной стороны. С другой стороны, говорят: слушайте, вот Москва такой город, вот из него уезжает элита, инновационная молодёжь здесь не хочет жить и так далее, давайте для неё создавать условия. Слушайте, давайте создавать условия в городе такие, чтобы здесь хотелось жить, чтобы отсюда уезжать не хотелось.

Сергей Доренко: То есть... на противотоке?

Сергей Собянин: Это самая главная антикризисная мера — делать город красивее, чтобы люди здесь оставались, чтобы у них оставалось желание вкладывать деньги, строить здесь, обустраивать свою жизнь, своих детей здесь учить и оставлять здесь работать. Это самое главное. Оно стоит не таких уже больших денег по сравнению с другими, может быть, капитальными затратами, но даёт совершенно другой эффект. Я считаю, что это именно то, что мы сегодня должны делать.

Сергей Доренко: Но с точки зрения, раз уж мы закончим с асфальтом, потому что таких вопросов очень много. С точки зрения асфальта нам кажется, что его перекалывают чуть ли не два раза в год. Правда-правда. Вот здесь на Бирюзова, но не в этом году, в позапрошлом, в июне, положили асфальт. Глядишь — к концу августа по новой кладут.

Сергей Собянин: Сергей, не перекалывали раньше асфальт. Положили как положили, так он и лежит. Сегодня другая система. Тройная система контроля. Сначала мы контролируем материалы, которые привозят на асфальтобетонные заводы, затем контролируем, что делается на самом заводе, и потом смотрим, как укладывается асфальт. И все подрядчики работают с гарантийным сроком — три года. И если он плохо положил асфальт и лаборатория — не на глаз, а именно лаборатория — определила, что он сделал некачественный асфальт, его заставят переделывать либо тут же, либо на следующий год. И объём таких перекалодок доходил где-то примерно до 10 процентов от всего объёма, до 10 процентов. Пока подрядчики не поняли, что себе дорожке брак гнать. Уже в этом году количество брака снизилось где-то примерно раз в 10.

Сергей Доренко: И они это делают за свой счёт.

Сергей Собянин: За свой счёт. А если они за свой счёт не хотят делать, мы сделаем за них, и обратимся в суд, и взыщем те гарантии, которые они давали через банк.

Сергей Доренко: Огромные деньги бюджет Москвы, но говорят, отразился ли на Вас кризис, во-первых, и во-вторых, насколько Москва убыточна теперь как единый механизм экономический?

Сергей Собянин: Нет. Она не убыточна, хотя в убыточность можно загнать любую экономику и любой бюджет, — это очень просто сделать. Я принял такой бюджет в 2010 году, когда было просто на текущие расходы занято около 300 миллиардов рублей. И эти 300 миллиардов рублей не просто были заняты — они заняты были на текущие расходы, и они каждый год генерировали новые расходы. За этот период времени, несмотря на то что у нас бюджет колоссально не вырос, более того, в сопоставимых ценах за последние три года он даже несколько уменьшился, мы рассчитались с

половиной долгов, которые достались по наследству. Это во-первых. И стараемся не делать больше долгов, стараемся жить по средствам. Это очень тяжело, это сложно, но тем не менее получается.

Сергей Доренко: Вы привлекаете какие-то инвестиции со стороны? Частный бизнес, государство?

Сергей Собянин: Частный бизнес сегодня играет колоссальную роль в экономике. Ну скажем так: большинство инвестиций — две трети инвестиций, капитальные инвестиции, которые приходят в город, — это частные инвестиции. Почему они приходят? Потому что город идёт навстречу и делает свои инвестиции в инфраструктуру, в транспорт, в энергетику, в благоустройство, в социальную сферу. Таким образом, инвестору легко приходиться на такую территорию.

Сергей Доренко: Как он отбивает эти деньги? Вот смотрите. Условно говоря, если я вкладываюсь в метро, я не понимаю, как я отобьюсь...

Сергей Собянин: Я говорю, что город работает на инфраструктуру, бизнес работает на другие виды инвестиций: торговлю, коммерцию, офисы, жилые дома и так далее. По объёму ввода торговых центров, и не только торговых центров, вообще торговых площадей, офисов Москва является одним из мировых лидеров среди всех мегаполисов мира. Это очень большая такая серьёзная задача, которая была выполнена.

Сергей Доренко: Даже если китайцев сравнивать?

Сергей Собянин: Сопоставимо абсолютно, а по некоторым параметрам мы всё равно и выше их, среди их мегаполисов.

Сергей Доренко: А если кризис, сейчас я уже слышу, что 70 процентов только занято, 30, и то же самое происходит с торговыми площадями. Если кризис будет усугубляться, у вас есть план Б?

Сергей Собянин: То, что касается офисов, мы понимали изначально, что офисное строительство приведёт к тому, что часть из них будет пустовать. Это хорошо или плохо? Я считаю, что это замечательно, потому что на кого мы работаем? Мы в первую очередь на девелоперов работаем, которые задирают цены на офисы? Или на тот бизнес — малый, средний, который придёт и будет там работать? Я считаю, что мы всё-таки ориентироваться должны на бизнес, который будет в этих офисах работать. Для этого нужно создать избыток предложения на рынке, чтобы упала цена, чтобы, соответственно, бизнесу было легче развиваться.

Сергей Доренко: Общероссийская проблема кредитования, извините, наверное, тоже Вас касается. Запретительная цена кредитов — это же бьёт и по Москве?

Сергей Собянин: Конечно, вот это, пожалуй, самая главная проблема, которая была во время кризиса. Слава Богу, потихоньку ставки кредитования снижаются. И если этого не будет, тогда мы будем наблюдать точно снижение объёма инвестиций: и капитальных, и текущих — любых. Без банковской подпитки, без нормальных банковских кредитов ничего не будет происходить. Я надеюсь и вижу, что это понимается тем же Центральным банком, мы видим, как практически ежеквартально начали снижаться процентные ставки. Это хороший знак. В том числе и видим, что стали снова расти потребительские кредиты, потихоньку, но начали расти. И это тоже неплохой знак.

Сергей Доренко: А китайцы приходят, мне интересно. Когда Вы говорите частные — это отечественные частные инвестиции или иностранные? А если иностранные, то европейские или китайские?

Сергей Собянин: 90 процентов — это наши.

Сергей Доренко: 90 процентов — наши.

Сергей Собянин: Даже если иностранные, они имеют корни каких-то российских офшорных компаний и так далее. Тем не менее есть значительное количество иностранцев. Китайцы масштабно не присутствуют на российском рынке. Мы активно ведём с ними переговоры по инфраструктурным проектам. Дай Бог, чтобы это срослось, потому что китайские инвестиции, китайские финансы в мире играют всё большую и большую роль, и нам не надо отставать.

Сергей Доренко: С нами Мэр Москвы Сергей Собянин. Сергей Семёнович, мы продолжим сразу после новостей. 10 часов, новости. (Новости.)

Сергей Доренко: С нами Мэр Москвы Сергей Собянин. Сергей Семёнович, позвольте прочитать несколько... сейчас, слушайте. Сейчас меня обвиняют, что сильно лижет Доренко, но тем не менее. Михаил пишет: «Собянин говорит простым человеческим языком. Это классно». Ещё один пишет парень: «Из-за решения Собянина я закрыл предприятие, малое предприятие, и ушёл в тень. И теперь в тени». Что с малым бизнесом?

Сергей Собянин: В целом неплохо с малым бизнесом. Как ни странно, количество предприятий, в том

числе индивидуальных предприятий, стало больше, чем в прошлом году. По крайней мере, такие данные даёт налоговая служба, в которой они регистрируются. Но малый бизнес, как и любой бизнес, в период кризиса, конечно, испытывает сложности.

Сергей Доренко: Трудности, да.

Сергей Собянин: Особенно малый бизнес, который сориентирован на торговлю, при снижении потребительского спроса, конечно, страдают его доходы. Это очевидно. Но я надеюсь, что всё-таки потребительский спрос в Москве восстановится.

Другой есть бизнес, который точно надо развивать в Москве, точно поддерживать, — это бизнес инновационный. Он не зависит от потребительского спроса — он зависит от того, какие вообще условия для него создаются.

Сергей Доренко: А «Сколково» у нас или у Воробьёва?

Сергей Собянин: «Сколково» у нас. И мы буквально на днях присвоили ему статус городского технополиса. Это означает, что он будет ко всему прочему получать дополнительные городские льготы. Кстати, в этот же день было принято решение об изменении законодательства Москвы, которое позволит включить в орбиту поддержки города практически все действующие технопарки города — их около 50. Потому что мы знаем, что такое «Сколково», мы знаем технополис «Москва» — это бюджетные проекты, но мы практически не знаем тех, кто находится на рынке, кто работает в рыночных условиях, а таких технопарков достаточно много. По нашим подсчётам, их около 70, и в них работают десятки тысяч ребят.

Сергей Доренко: Уже сейчас?

Сергей Собянин: Уже сейчас. Но их не замечают, им не помогают. Такая ревизия была проведена, мы подстроились под них. Не они под нас, под них.

Сергей Доренко: А как можно помочь? Как?

Сергей Собянин: Мы заключаем с ними соглашение, по которому они должны нам рассказать, как они будут развиваться, как будут они инвестировать в свой бизнес, какие приоритетные направления ведут в том или ином технопарке, а мы со своей стороны даём им дополнительные возможности, устанавливаем льготы по земле, по налогу на недвижимость, по аренде и так далее. То есть весь комплекс. Субсидирование кредитных ставок и так далее. То есть весь комплекс возможностей города начинает работать на эти технопарки, на эти инновационные зоны развития города, а не размазываться по всему периметру непонятно для кого и для чего.

Сергей Доренко: Я думаю, это умные совсем ребята, они же транснациональные, Сергей Семёнович.

Сергей Собянин: И поэтому надо удерживать. Удерживать городской средой...

Сергей Доренко: А что мы получим?

Сергей Собянин: ...а) городской средой; и б) поддерживать условиями их труда. Получим новую экономику инновационную.

Сергей Доренко: А если они сделают что-то хорошее...

Сергей Собянин: И уедут, да?

Сергей Доренко: А рынок этого... Они даже здесь будут сидеть. А рынок этого в Калифорнии, принципиально важный?

Сергей Собянин: Продадут, да.

Сергей Доренко: Они там продадут.

Сергей Собянин: Ну и что?

Сергей Доренко: И деньги оставят там же. И так далее.

Сергей Собянин: Если они продадут, то деньги придут сюда. Другой вопрос: кто их изобретение будет реализовывать. Да, таков мир сегодня. Почему нашим производителям не реализовывать те идеи, которые возникают в Калифорнии? Такая задача тоже может стоять. Но понимаете, мы должны всё-таки заботиться о развитии этого кластера, у нас нет другого пути. Без создания своей инновационной среды развитие города... Чем мы будем заниматься? Хорошо, торговать будем. Ещё чем?

Сергей Доренко: Я понимаю.

Сергей Собянин: Строить металлургические комбинаты? Тоже нет. Мы должны идти в том тренде, в котором идёт большинство городов мира. Это не означает, что мы должны убивать свою промышленность, нет, её надо поддерживать, развивать, но она тоже должна быть инновационной. Это, скорее всего, должны быть стартапы, это должны быть инжиниринговые центры, а большое, крупное производство должно находиться на периферии, где нужны прокаты, металлургические комбинаты и так далее и прочее-прочее.

Сергей Доренко: Я хотел тоже об этом спросить, но прежде вернусь на минуточку к малому бизнесу. Знаете, и я, и Вы — мы оба — помним 90-е годы, и в 90-е годы была такая концепция: «Ребята, государству трудно, значит, вы, ребята, сами кормите жён с детьми. Вы, ребята, сами отправляйте своих детишек в школу. Если вы даже не платите как-то налоги, да и Бог с вами». То есть понятно, да? Самозанятость — вот о чём я говорю. Я думаю, что времена, может быть, уже подошли подобные, или вот-вот. Это вопрос политический, сказать мужчинам: «Мужчины, ребята, сами как-то крутитесь, пожалуйста, нам сейчас не надо. Мы вас не будем преследовать, мы вас не будем мучить, братцы. Не будем проверять уже. Всё, как-то сами. И чтобы 1 сентября ваш сын пошёл чистенький, одетый и чтобы у него был велик и учебники. А как ты это всё заработал? Братец, сам как-то крутись». Самозанятость. Вы не видите здесь политической необходимости перейти к этому?

Сергей Собянин: Можно, конечно, перейти к такому анархичному хозяйству, но тогда вы придёте в школу, в которой учителям не платят заработную плату, придёте в поликлинику, где не получают врачи достойной, вообще какой-либо заработной платы.

Сергей Доренко: Так и было в 90-е, да.

Сергей Собянин: К вам придёт ваша пожилая мама и скажет: «Сынок, а где моя пенсия?» Слушайте, так никто в мире не работает, это невозможно. Да, бизнес должен развиваться, но он должен платить налоги, на эти налоги должна содержаться социальная сфера, которая на него же работает. Иначе наступит коллапс, наступят как раз 90-е годы.

Сергей Доренко: 90-е.

Сергей Собянин: В которых всё — самозанятость, всё из своего кармана.

Сергей Доренко: Но сдюжили же.

Сергей Собянин: Да.

Сергей Доренко: Сдюжили же, выстояли.

Сергей Собянин: Слушайте, вряд ли кому-то хочется возвращаться в эти времена.

Сергей Доренко: Не хочется. Нет, не хочется. Скажи уже, наконец...

Эльвира Хасаншина: Тут как раз слушатели жалуются. Говорят, что торговый сбор убьёт малый бизнес, и говорят, для чего это делается — для сетей?

Сергей Собянин: Торговый сбор сделан совершенно в минимальных объёмах, и он, по сути дел, символический. Это не отдельный платёж. Это плата по установленной ставке, которая идёт в зачёт налога на прибыль. Если вы показываете хотя бы копеечку налога на прибыль, торговый сбор вам вообще не мешает. Но если вы вообще ничего, ни копейки не платите — да, мы говорим: ну хотя бы копеечку заплатите. Покажи, что ты живой, покажи, что ты работаешь. Мне кажется, это вопрос скорее легализации бизнеса, а не дополнительный налог.

Сергей Доренко: Пенсионеры пишут, что уже пять лет не повышалась московская надбавка.

Сергей Собянин: Да, но повышались в это время пенсии, причём они повышались в соответствии с инфляцией.

Сергей Доренко: А ожидается повышение московской надбавки?

Сергей Собянин: Вполне возможно, да. Если мы увидим, что индексация пенсий начинает тормозить, а такая возможность есть, мы будем рассматривать меры городской поддержки.

Сергей Доренко: Да, Евгений, ваш частный случай мы не можем рассмотреть, как вы понимаете, вот здесь, влёт. Он говорит, что он придумал электронную тетрадь, и её купили у него калифорнийцы, а не москвичи. Евгений, ну частный случай. Мне кажется, что задача Мэра — создавать среду. Вы знаете, я летал как-то, но давно, ещё до того, как Вы стали Мэром, на самолёте по Кольцевой, ещё когда Мячкова был аэродром, по Кольцевой летал и смотрел. Есть множество зон в Москве, в которые я не захотел бы заходить без пистолета или без ножа хотя бы в кармане, не то что, а в кармане держать бы. Перечисляю: вдоль железных дорог — гаражи, шприцы, чёрт его знает, я давно там не был, но места подозрительные. Дальше — вдоль реки от Серебряного Бора до, наверное,

Филей. Места подозрительные, странные, чёрт его знает, я бы не пошёл туда один, ей-богу. Потом есть ещё промышленные зоны — Мнёвники вот здесь у нас лежат какие-то, старый автопарк. Знаете, там автопарк Гостелерадио СССР, например, есть, овощебаза Краснопресненского района какая-то смутная, мутная. Вот эти все места — оказывается, что Москва имеет гигантское, невероятное количество площадей, что с ними?

Сергей Собянин: Это, с одной стороны, проблема, с другой — некий резерв для дальнейшего развития. Почему они в таком состоянии находятся? В те любимые 1990-е годы, о которых мы только что говорили, все эти промзоны отдали за бесценок под видом акционирования бывшим хозяевам, директорам или Бог его знает кому. Все директора перепродали ещё по три раза эти промзоны, каждый сарай отдельно. И вот в промзоне, к примеру, в 10 гектаров находится 20 — 30 хозяйств, каждый держится за свой сарай. Соответственно, никакого проекта единого они создать не могут, построить что-то у них желания особого нет, лучше сдать в аренду.

Сергей Доренко: Да у них и денег нет.

Сергей Собянин: И жить, и быть довольным жизнью, потому что какая-то копеечка за это идёт. И вот такие промзоны действительно в огромном количестве до сих пор находятся в Москве. Мы последние три года активно с ними работаем. Сделали проекты планировок, сказали: ребята, на этой промзоне вообще можно вот это — здесь можно построить офисы, здесь оставить производственные площади, здесь можно построить жильё, здесь дома и так далее, здесь пройдёт дорога. Начали работать с инвесторами, уговаривали их — давайте вы объедините эту промзону, скупите у этих хозяйств, которые не могут ничего реализовать, придите с единым проектом, мы выдадим вам разрешение на строительство, давайте реализовывать. И сегодня уже четверть всего строительства в городе ведётся на промышленных зонах — это и жильё, это и промобъекты, это и офисы, торговля и так далее. Четверть.

Сергей Доренко: Не забывайте просьбу, честное слово, автомобилистская просьба, не забывайте про дороги, а то на те же самые трассы, построенные Брежневым, дополнительная ложится нагрузка. Но они не в состоянии выдержать.

Сергей Собянин: Да, естественно.

Сергей Доренко: Если Вы помните, когда расширили Кутузовский до шести полос, я там ездил один на «Москвиче-2140б» на 76-ом бензине и я думал: боже, вот дураки, зачем такую дорогу большую построили? Сейчас она забита полностью.

Сергей Собянин: Сергей, ну вот по поводу — ещё раз — транспортных коммуникаций. Основные проекты того же развития промзон — они находятся на ржавом кольце Москвы так называемом — это МКЖД, Малом кольце железной дороги, которая просто как гроздьями опоясана вот этими страшными территориями, о которых Вы говорите. Что мы сейчас делаем? Мы заканчиваем проект создания на базе МКЖД, по сути дела, Второго пересадочного контура метро, который будет стыковаться и с радиальными направлениями железной дороги, и с линиями метро. Это будет кольцо, которое будет администрировать метрополитен, и там будут ходить электрички с такой же частотой, как ходят в метро. Это означает, что все промышленные зоны, которые были нанизаны на это, — они превратятся в территории, потенциально интересные инвесторам. Там можно строить и жильё, и бизнесом заниматься, и развивать эти территории. Именно таким образом развитие этой гигантской территории будет происходить в ближайшие годы, а это один из самых главных таких инвестиционных проектов Москвы.

Сергей Доренко: В некоторых городах я вижу, что есть защищённые, знаете, как бы для спонтанной уличной жизни, есть защищённые зоны. Ну, там, есть какие-то маленькие городочки прибалтийские, не знаю. Есть маленькие городочки, где защищённая вот зона. Она действительно для гуляния, а всё остальное — с огромными шоссе. Ну так же, допустим, на Манхэттене. Удобнее на такси, чем на своей машине, потому что ну замучаешься платить. А Москва? Как Вы её видите? От МКАДа до МКАДа такая защищённая от автомобилистов зона? Мы вот как автомобилисты...

Я понимаю то, что Вы сказали вначале, что дико неправильно, что там живут живые люди в центре. А для нас, ребят с Новой Риги, условно говоря, которые едут в Мытищи, они просто перевалочный пункт, деревня, которая на пути большой трассы. Я это понимаю, но сколько Вы хотите защитить? От МКАДа до МКАДа или создать какое-то ядро, где прогулочные зоны?

Сергей Собянин: Так не получится — ни ядро, ни от МКАДа до МКАДа. Но вот смотрите, что мы сейчас делаем практически. Вы видите, что в центре города мы создали кластер пешеходных улиц.

Сергей Доренко: Это правда. Это круто, это классно.

Сергей Собянин: И здесь можно погулять и тем, кто здесь живёт, и приезжает в центр города. Ну сколько мы создали в центре километров пешеходных или благоустроенных улиц? Ну где-то там, около 16 километров. А в целом по городу за этот период мы создали 100 километров таких улиц. То

есть 80 процентов этих улиц пришлось не на центр, а на периферийные округа. Там тоже строятся и пешеходные бульвары, и скверы, и улицы обустроятся. Город большой, он же не может жить на одном пяточке, каждый округ — это миллионный город. И в этом миллионном городе должно быть всё своё. Должен быть парк, и сквер, и пешеходник, и велосипедная дорожка, и так далее. И городская магистраль, в том числе. Город такой, что он должен искать компромисс между желанием быстро, с ветерком проехать на машине и в то же время отдохнуть и погулять, чтобы там была своя зона.

Сергей Доренко: Под Брюсселем есть, простреливает улица, в Барселоне диагональ вот эта — Via Diagonal, может быть, нам прострелить как-то город пару раз?

Сергей Собянин: Простреливаем.

Сергей Доренко: Простреливаем?

Сергей Собянин: Простреливаем.

Сергей Доренко: То есть это тоже будет?

Сергей Собянин: Значит, хотя нас критикуют за это, тем не менее, мы же занимаемся, строим сейчас Северо-Западную хорду. Что такое Северо-Западная хорда?

Сергей Доренко: Кстати, что это за человек, которого наконец нашли во Флоренции, купил себе за 50 миллионов евро особняк — 11 зданий, 60 комнат. Человек, который, ну, это частник, который строил здесь Балтийский этот, на Соколе.

Сергей Собянин: В своё время это был самый дорогостоящий проект — Алабяно-Балтийский тоннель, который вёл из ниоткуда в никуда. Значит, надо хотя бы использовать эту ситуацию. Он недостроенный до сих пор объект, я думаю, в этом году он будет достроен. Значит, мы его как раз и включили в Северо-Западную хорду, переход через Ленинградку, он стал как центральное ядро. Можно было, конечно, бросить этот объект, законсервировать и наплевать на него.

Сергей Доренко: Вы лично курируете то, чтобы его...

Сергей Собянин: Слушайте, Сергей. Если там в своё время потратили на это десятки миллиардов рублей. Я считаю, что можно было и не делать этого. Ну коль уже они потрачены, значит, этот объект надо использовать. Мы фактически вытянули дорогу от него на север и запад — сделали Северо-Западную хорду.

Сергей Доренко: А Вы лично курируете, чтобы людей, которые казнокрадством там занимались...

Сергей Собянин: Конечно, там возбуждено уголовное дело.

Сергей Доренко: То есть Вы следите за этим?

Сергей Собянин: Конечно.

Сергей Доренко: И если вдруг завянет как-то это уголовное дело, Вы дадите ход ещё чуть-чуть?

Сергей Собянин: Конечно. Но самые большие «заинтересанты» в этих уголовных таких делах — банкиры, потому что город напрямую, без гарантий банков, не работает с такими крупными подрядчиками. Они берут гарантии у банка, и банк затем уже гоняется за этим прохиндеем, который что-то там свистнул и куда-то убежал, разорил свою компанию.

Сергей Доренко: Я понимаю. Скажите, пожалуйста, Вы в самом начале, я помню одно из ваших высказываний, может быть, Вы меня поправите, но оно звучало как-то, что Вы не занимаетесь политикой. Верно ли это? А ведь столица — это мегаполитика. Ну в России в любом случае точно да.

Сергей Собянин: Сергей, смотря что мы подразумеваем под словом политика. Политиканством я не занимаюсь, я не кричу красивые лозунги. Я не выступаю по любому поводу и без повода. Я занимаюсь работой, которая включает в себя вопросы здравоохранения, образования, инженерных коммуникаций, жилищно-коммунального хозяйства, дорог и так далее. Но если ты не будешь называть это политикой, ну не называй. Но если ты будешь что-то делать плохое или неправильное, то политика быстро к тебе придёт.

Сергей Доренко: И всё-таки я думаю, мегазначение столицы в истории России я бы определи так: ни одна революция в России никогда не приходила с периферии. Вот оренбургская Эльвира — она скажет, от них приходило пару революций, которые не дошли никуда, их, Пугачёва, всё это, разгромили и дело с концом. А все революции успешные приходили из столицы — Петербург, Москва. Значит, Ваше мегаполитическое значение, гигантское политическое значение заключается в том, что Вы контролируете ситуацию в столице. Вот как бы Вы себя назвали? Консерватор-патриот, просто консерватор, либерал-патриот, либерал-западник — безусловно, нет, я это уже понял из

разговора. Значит Вы кто? Если доктринально как-то Вас обозначить.

Сергей Собянин: Столько оскорбительных сразу кличек. Да мне наплевать, как называется. Я человек абсолютно прагматичный. Если для города полезно стать консерватором, я буду консерватором, если для развития города полезны какие-то вещи либеральные, я буду либералом, — мне всё равно, как это называется. Я буду просто делать то, что полезно для города. И это главная моя политика.

Сергей Доренко: Но когда Вы видите горизонт, Вы видите горизонт, например в 20 — 30 лет развития города, Вы же закладываете процессы, которые будут...

Сергей Собянин: Сергей, я приведу два примера.

Сергей Доренко: Давайте.

Сергей Собянин: Значит, мы продали все активы, которые касаются аграрного сектора, — калужскую агрофирму, в Карачаево-Черкессии по производству помидоров и так далее. Мы не занимаемся бизнесом. Что вы скажете? Ну вот это либерал, который вот распродал всё имущество и так далее.

Сергей Доренко: Да, да, это важно.

Сергей Собянин: С другой стороны, мы восстановили абсолютно советскую жилищно-коммунальную систему, при которой создали государственные бюджетные учреждения по эксплуатации домов, дворов, дорог и так далее. Это что?

Сергей Доренко: Это любимая тема. Сейчас сразу после новостей.

Сергей Собянин: Это коммунист, это консерватор и так далее.

Сергей Доренко: Этатист это.

Сергей Собянин: Я не подхожу с точки зрения идеологии, я подхожу с точки зрения прагматики. Если я вижу, что этим управлять могу и оно эффективно, я создаю. Если я считаю, что этим должен управлять бизнес, я отдаю бизнесу.

Сергей Доренко: Но когда Вам не нравятся такие термины, я тем не менее Вас определяю, позвольте, как этатиста, государственника, прагматика. Этатист-прагматик. Ну да, ну мне кажется. Может быть?

Сергей Собянин: Да всё может быть.

Сергей Доренко: Скажите, пожалуйста, вопрос, который я не могу не задать. Вам в 2024 году 66 лет будет.

Сергей Собянин: Ничего у вас с арифметикой.

Сергей Доренко: Да, я посчитал. Вы не собираетесь в Президенты России?

Сергей Собянин: Нет, ни в коем случае.

Сергей Доренко: А почему? Я не уговариваю, я просто спрашиваю.

Сергей Собянин: Сергей, тот, кто не был во власти и не знает, что это такое, — для них кажется, что вот это то, что мне нужно. Вот это там мёдом всё намазано. Ни приведи господь! Это сложнейшая, каторжная работа, она психологически человека настолько убивает.

Сергей Доренко: Вот так у нас всё распространится в учебники истории России, а так будет глава. Понимаете разницу?

Сергей Собянин: Послушайте, я не интересуюсь ни учебниками истории, не занимаюсь самопиаром, меня это мало интересует. Меня интересует работа, она меня сегодня удовлетворяет, она мне кажется интересной, мужской работой.

Сергей Доренко: Это правда, но хорошо, я тогда уже по этой теме не буду к Вам приставать, ведь я пытался Вас сагитировать, а что?

Сергей Собянин: У вас не получилось.

Сергей Доренко: Не получилось, да. Зато я вижу, что Вы глубоко об этом думали. Думали, раз есть определённый отказ, то значит, были раздумья.

Сергей Собянин: Потому что много желающих задать такой вопрос, Сергей.

Сергей Доренко: А, вот почему. Святой Владимир — где всё-таки Вы хотели бы его увидеть?

Сергей Собянин: Действительно, сегодня подобраны неплохие места. Я вообще считаю, что и Воробьёвы горы были неплохим местом, но оно действительно было проблемное с инженерной точки зрения. Там достаточно большие затраты были для укрепления склона и так далее. Ну и действительно, вызвало определённую дискуссию. Сегодня подобраны Военно-историческим обществом ещё три места, на мой взгляд, они все неплохие — это и Лубянка, и площадь возле Боровицких ворот, и Зарядье. Мне кажется, что здесь уже надо ориентироваться на мнение граждан, на население, поэтому правильно абсолютно Военно-историческое общество включилось и сделало такой интерактивный опрос. Я думаю, что в ближайшее время мы проведём такой же опрос на «Активном гражданине».

Сергей Доренко: Я участник, можно сказать? Я участник.

Сергей Собянин: У нас около миллиона подписчиков в «Активном гражданине», мы точно получим реальную выборку и узнаем мнение людей. Исходя из этого, уже будем проектировать.

Сергей Доренко: Но всё равно, знаете, «Активный гражданин»... Вот Вы бы где видели?

Сергей Собянин: Но мне кажется, что всё-таки наиболее интересное место — это место возле Боровицких ворот. Там такая достаточно полузапущенная площадка, необустроенная, там можно сделать благоустройство соответствующее. Мне кажется, памятник там вписывается очень неплохо.

Сергей Доренко: И как раз мы стоим в пробке на Большом Каменном — и раз, нас осеняет крестом, как это классно!

Сергей Собянин: И мы поехали.

Сергей Доренко: А, да! И вдобавок мы поехали. Но я хотел сказать, что именно на Воробьёвых горах даже была проблема в чём: они концептуально хотели, чтобы его было видно с реки, ведь смысл-то был, чтобы его было видно с реки.

Сергей Собянин: Здесь тоже будет с реки видно.

Сергей Доренко: Здесь, кстати, будет видно с реки.

Сергей Собянин: На Лубянке не будет, это площадь, закрытая со всех сторон по большому счёту.

Сергей Доренко: Но что-нибудь да надо на Лубянке, как-то она пустоватая.

Сергей Собянин: На Лубянке — в своё время там поили лошадей.

Сергей Доренко: Поили лошадей?

Сергей Собянин: Да, это же, собственно, водная, или как она точнее называлась? Водное место или фонтан, не в том смысле фонтан как обычный фонтан, а именно перелив воды для того, чтобы ямщики подъезжали и поили своих лошадей. Потом стал более красивый фонтан, достаточно симпатичный. Можно восстановить фонтан так, чтобы закончить дискуссии в этом месте и унести его от политизации.

Сергей Доренко: У меня есть мистический ужас в этом месте, мистический ужас перед установкой статуи князя Владимира, потому что он был великий революционер. Не грозит ли нам это пертурбациями? В Киеве такой стоит. Он великий революционер.

Сергей Собянин: Не знаю насчёт того, что он был революционером.

Сергей Доренко: Он великий революционер, он принёс столько нового.

Сергей Собянин: Да, в хорошем смысле нового, революционер. Объединил страну, сделал единую идеологию, с которой, собственно, страна и создалась, и выжила. Если бы не он, вполне возможно, что такой страны, как Россия, и не было бы вообще.

Сергей Доренко: Может быть. Прервёмся на новости и продолжим. (Новости.)

Сергей Доренко: Мы продолжаем, у нас в гостях Мэр Москвы Сергей Собянин. Сергей Семёнович, давайте похвальные какие-то прочитаем, потому что уже... «Ты лучший», — это то ли мне, то ли Вам, я не знаю. «Ты лучший», — 65-й.

Сергей Собянин: Вам.

Сергей Доренко: Дальше: «Собянину: почему увеличились аварийные ситуации в Московском метрополитене?» Сейчас я быстро посмотрю. «Восстановим традиции святой Российской империи!»

Привет от владельцев автомобилей-пикапов передаёт 40-й. Значит, ещё что-то: «Приятный и толковый человек. Я рад, что у нас такой Мэр. Спасибо», — пишет Александр. Юля пишет: «Собянин — класный собеседник, довольно эмоциональный, это очень неожиданно». Вообще говоря, а почему Вы так мало присутствуете в публичном пространстве? Я, смотрите, человек пишет мне: «...довольно неожиданно эмоциональный». Почему — потому что все ждали такого человека суконного, какого-то чиновника. А знаете почему? А они не очень с Вами знакомы.

Сергей Собянин: Сергей, не приглашаете — поэтому.

Сергей Доренко: Ах вот как! Так мы приглашаем, конечно.

Эльвира Хасаншина: Ещё говорят, что у Вас очень живой язык.

Сергей Доренко: Живой язык и понятный, об этом пишут и удивлены люди. Скажите, пожалуйста, всё-таки здравоохранение. Слава-Слава пишет нам на «Твиттер»: «Спросите, пожалуйста, про закрывающиеся больнички и пенсов, выбрасывающихся из окон, про здравоохранение, одним словом». Вот что со здравоохранением?

Сергей Собянин: Со здравоохранением всё нормально. Я тут в новостях слышал, для меня удивительная новость, я об этом не знал, что московские поликлиники заняли первое место в рейтинге поликлиник страны. Я не знаю, правда или нет.

Сергей Доренко: Ой, а может, там совсем ужасно.

Сергей Собянин: Вообще, любое здравоохранение познаётся в сравнении. Мы с чем себя сравниваем, наши поликлиники, с какими — берлинскими, нью-йоркскими, какими?

Сергей Доренко: Я Вам скажу свой опыт. Я давно был в Канаде — в 1997 году, к сожалению, и спрашивал у парня, Серёга там тоже. Я говорю: «Серёга, а что ты не полечишь, там, такая-то проблема». Он говорит: «Вот сейчас, на Новый год, в январе, я запишусь — примут в апреле». Это Канада. То есть три месяца очередь, а у нас вот пишут — месяц, и тоже люди раздражены тем не менее. К узкому специалисту.

Сергей Собянин: К узкому специалисту, но месяц тоже не так часто. Обычно, к узкому даже специалисту, записываются в течение семи дней — большинство узких специалистов. Наверное, есть какие-то проблемы. Но надо иметь в виду, что есть ряд узких специалистов, к которым люди напрямую вообще не записываются, они сначала должны побывать у терапевта, он — сказать, к какому узкому специалисту тебе идти. И раз уже побывал у узкого специалиста, он тебе сам назначает дальше посещение. Это сделано во всём мире, мы ограничили перечень этих узких специалистов до минимума, но тем не менее так должно быть, иначе реально человек, которому нужен этот специалист, он к нему не попадёт, потому что будет куча людей, которым, собственно, и не совсем обязательно на этой стадии. Это первое. Второе: вы видите, что мы сделали публичной вообще запись к врачам. Если вы зайдёте на портал госуслуг, что вы можете посмотреть, вообще какая динамика записи в поликлиники начиная с 2012 года, когда мы ввели электронную запись, и до сегодняшнего — подённо. То есть каждый день вы можете видеть, как двигается очередь, можете нажать кнопку, посмотреть, как дела в вашей поликлинике, сколько времени для записи к врачу тому или иному в вашей конкретной поликлинике, можете выбрать другую поликлинику, можете в целом посмотреть. Более того, мы сейчас ввели систему, по которой вы можете пожаловаться на «Наш город» на конкретные проблемы, связанные с той или иной поликлиникой. Более того, теперь после того, когда вы посетили поликлинику, вам главный врач пошлёт эсэмэс и спросит: «Сергей Леонидович, а как вы, довольны или недовольны? Вы откликнитесь, пожалуйста, и скажите, чем вы недовольны — мы готовы помочь исправить ситуацию».

Сергей Доренко: Вот это всё работает как часы. Я лично вчера был в многофункциональном комплексе.

Сергей Собянин: В МФЦ, да?

Сергей Доренко: Я Вам отвечаю, вот здесь, на Щуке, работает как часы, просто абсолютно. Значит, чисто, народу нет, туалеты работают, туалеты чистые, и работает как часы. Но я думаю, с моей точки зрения, я пользуюсь госуслугами, но я думаю, что в Москве как бы живёт два народа разных, с точки зрения способности воспринимать эти новшества. Есть ещё «русска демократична» бабушка, вот бабушка что должна делать? Я-то всё понимаю, я абсолютно рублю во всём — в интернете, в госуслугах, это моя среда. А бабушка?

Сергей Собянин: Для бабушки ничего не изменилось — она может позвонить по телефону в регистратуру и её запишут так, как оно было и раньше. Она может прийти ножками в ту же регистратуру, и ей помогут записаться. Но как бы она — или позвонит, или придёт ножками, в любом случае оператор должен забить её заявление в электронном виде. Для чего это делается? Для того чтобы мы видели, а реально эта бабушка после записи через сколько дней попала к врачу, сколько

минут она просидела?

Сергей Доренко: То есть тем не менее туда запишут?

Сергей Собянин: Конечно. Сколько минут она просидела возле приёмной врача — 10, 40, 50, полтора часа. И мы начинаем мониторить верхние пороги, если больше 40 минут — это проблема, мы начинаем уже мониторить эту ситуацию и заставлять поликлиники работать, чтобы меньше была очередь, меньше люди сидели в ожидании врача. Нам скажут: «Ну конечно, теперь там врачи принимают по пять минут». Мы и эту ситуацию мониторим, смотрим. Если у поликлиники мы видим, что шаг приёма пациентов недостаточен для нормальной работы, снова это сигнал для нас, новый сигнал для управленцев. Снова вмешательство административное, управленческое, для того чтобы этот шаг увеличивался и для того чтобы было достаточно времени для приёма пациентов.

Сергей Доренко: Насколько я беседую с людьми, люди воспринимают реформу здравоохранения, в частности в Москве, мы понимаем, что она идёт по всей стране, мы воспринимаем реформу здравоохранения, в частности в Москве, как символ трудных времён. Из того, что вы говорите, я понимаю, что это так и будет, а мы пока так, типа напряжились и думаем...

Сергей Собянин: Сергей, это всё наоборот. На самом деле реформа здравоохранения — это не реформа трудных времён, это, наоборот, реформа увеличения объёмов финансирования здравоохранения. Такого объёма финансирования, как сегодня происходит в стране и в Москве, никогда за всю историю не было. Другой вопрос, что каналы финансирования изменились. Если раньше раздавались просто по смете: ты можешь сидеть, ничего не делать, зарплата тебе пришла, то сегодня совершенно другая система: ты получаешь деньги (имею в виду врача и медсестру и в целом клинику) за услугу, которую ты оказал. Если ты её не оказал, ты этих денег не получишь. Но самих денег стало в полтора раза больше, чем два-три года тому назад.

Сергей Доренко: А надо привыкнуть. Я Вам говорю по ощущениям. Я говорил об этом Печатникову, Вашему заместителю: «Братцы, вы не объясняете». Я так чувствую, что пошла реформа, попржижались, братцы, пока надо перекаптоваться.

Сергей Собянин: Для того чтобы было понимание и мы понимали и чувствовали людей, мы как раз эти механизмы и вводим, интерактивного взаимодействия. Если человеку пишет главный врач и спрашивает: «А что у вас, какие проблемы? Вы довольны? Как вас принял, насколько он был вежлив, врач? Как была там санитарная ситуация? Сколько вам времени пришлось простоять?» — и так далее и получает ответ, и сам человек задумывается: «А что, собственно, какие проблемы? А что мне не нравится?» И вот взаимодействие врача — пациента даёт как раз такую синергию, понимание, что нам нужно делать дальше, какой следующий шаг.

Но, Сергей, самое интересное, когда мы опрашиваем просто людей: «А вы довольны здравоохранением?» — половина говорит, что недовольны, а когда пишут человеку, который конкретно, не абстрактно, а побывал в конкретной поликлинике, 85 процентов говорят: «Да, спасибо, всё хорошо».

Сергей Доренко: Всё нормально?

Сергей Собянин: Мы же во многом воспринимаем реформу здравоохранения не по тому, с чем мы сталкиваемся, а то, что мы слышим, слышим в эфире, видим по телевидению и так далее. И этот информационный фон при любой реформе всегда негативный в большей степени, с этим ничего не сделаешь. Но, несмотря на это, надо шаг за шагом работать, чтобы клиники наши работали лучше, чтобы меньше было очередей, чтобы качество обслуживания было лучше, чем мы и занимаемся ежедневно. Это непростой вопрос, Сергей.

Сергей Доренко: Ничего себе! Нам пишут... Ребята, не надо пули лить! Я был вчера в МФЦ. «МФЦ увеличивает срок оказания услуг на четыре дня». Не надо пули лить, ребята, я вчера вытащил бумажку, я хотел присесть — и были места, где присесть. Меня вызвали — я не успел присесть. Я был вчера в МФЦ. Вчера!

Слушайте, я, знаете, всё-таки хотел вернуться к какой-то такой коммунистической моей... Я был членом Коммунистической партии с 2003 по какой-то год, уже забыл, и вышел. Так вот, я хотел спросить. Этот город строили разные люди, и у них были разные идеалы. В какой-то момент было принято решение вернуть исторические названия. И их вернули. И это хорошо, потому что тот, кто строит, имеет право называть. Я построил у себя дома сарай и сказал: «Нарекаю тебя Святой Грааль». Неважно. Кто-нибудь говорит: «Дурак, что ли?» Так я же построил. И вот эта возня вокруг Войкова: Войковский район, Войковское метро и так далее. Я думаю, люди, которые строили — руками своими, сердцами своими, — они так нарекли, ну зачем же это менять? Я хотел Вашу точку зрения узнать.

Сергей Собянин: Мы всегда ориентируемся на людей, которые там живут, поэтому мы ничего просто так, спонтанно, не переименовываем, спрашиваем у людей. Если они считают, что новое название

более подходящее — ну и ради Бога. Но, как правило, люди, которые проживают в том или ином районе или на той или иной улице, очень осторожно относятся к переименованию, потому что, помимо привычного слуху названия, меняются адреса, прописка, регистрация, документы на собственность и так далее, и так далее. Поэтому если это переименование никого не касается, адресного хозяйства — это ещё куда ни шло, а когда касается огромной улицы, то надо действовать максимально осторожно. И, честно говоря...

Сергей Доренко: Но вот Ваша позиция по «Войковской»?

Сергей Собянин: Я думаю, что надо подумать по поводу «Войковской». Сама станция — она не влечёт изменений адресного хозяйства, поэтому как люди скажут, так мы и сделаем.

Сергей Доренко: Вот я жил в Комсомольске-на-Амуре некоторое время, я знал, что его построил. Там, кроме эзков, естественно, строили комсомольцы тоже. Прекрасно они его построили. И нарекли. Ну чего сейчас спрашивать: «Комсомольчане, вы хотите называться комсомольчанами?» Они скажут: «Ты дикий человек. Это строители так называли».

Сергей Собянин: Да. Я поэтому и говорю, как люди скажут, так мы и назовём. По большому счёту...

Сергей Доренко: Но тем не менее Вы готовы на изменение?

Сергей Собянин: Абсолютно.

Сергей Доренко: Готовы и на изменение, и на сохранение?

Сергей Собянин: Конечно.

Сергей Доренко: Понятно. Интересно, кстати говоря.

Эльвира Хасаншина: А вот можно ещё вопрос о реформе здравоохранения? Закрытые здания больницы 53-й и другие здания — они как будут использоваться?

Сергей Собянин: Я отвечу. Мы закрыли два здания роддома. Не роддомы, а два здания роддома. Закрыли ветхие здания, открыли три новых, реконструированных, которые по своей мощностикратно превосходят то, что мы закрыли. Что ж в этом плохого?

Сергей Доренко: Ничего плохого.

Сергей Собянин: Вы пойдёте рожать в сарай, который... С потолка там сыплется штукатурка, или пойдёте в новое, современное здание?

Эльвира Хасаншина: В новое, конечно.

Сергей Собянин: Почему мы должны эти сараи сохранять?

Сергей Доренко: Я с Вами согласен, но куда-то делась кафедра, которая...

Эльвира Хасаншина: А что-то же на этом месте будет стоять, как-то они будут использоваться? Офисы...

Сергей Собянин: Конечно. Как правило, мы эти здания стараемся передавать под частные клиники, или под хосписы, или другие социальные...

Сергей Доренко: Я, просто возвращаясь к роддомам, раз уж Вы назвали один из них, на Академика Павлова, на Маршала Тимошенко, вот здесь, на Молодёжке, — там была мощнейшая кафедра научных исследований. Так вот, роддом жажнули, да и кафедру вместе с ним.

Сергей Собянин: Смотрите, что мы делаем с кафедрами, я вам расскажу. У нас университетские кафедры научные присутствуют практически во всех наших крупных клиниках. Как они работали? Они работали не так, как в советское время, когда доктор приходил и говорил, профессор: «Давайте вот этого пациента будем лечить так и так». И восторженные ассистенты, ординаторы участвовали во всем процессе. Ничего подобного сейчас не происходит. Есть доктор в клинике, который приходит к больному и лечит его, а профессор со своей ординатурой стоит в сторонке, чего-то лопочет этим студентам, но его к больному не подпускают, потому что ему нельзя, потому что он находится не в штате клиники. То есть на самом деле все эти кафедры университетские по той схеме, как они работали, сегодня не работают, эта схема разрушена полностью.

В результате человек, профессор, обучает студентов, не прикасаясь к больному и не ведя практической деятельности. А практик, который каждый день делает операции и занимается больными, не приходит к студентам. Это полный абсурд. Поэтому мы стараемся сегодня сломать эту систему. В целом ряде клиник с Первым медом есть целый эксперимент, когда они со своей кафедрой приходят и реально начинают лечить. Часть наших хирургов, часть наших врачей переходит по

совместительству в университет и там преподаёт, а часть профессоров уже приходит в наши клиники и начинают заниматься реальными больными. То есть мы начинаем восстанавливать советскую систему университетских клиник. Это идёт тяжело, сложно, требуется изменение федеральных законов, но мы сегодня на коленке это уже делаем. Мы понимаем, что это надо делать.

Сергей Доренко: Что за человеконенавистническое... Мы говорим с Мэром Москвы, всем, кто к нам подключился только что, с Сергеем Собяниным. Сергей Семёнович, а что за человеконенавистнический капитальный ремонт? Ей-богу, не понимаю. Мы всю жизнь, вот я думал раньше, жизнь моя дурацкая устроена была таким образом, что я имел в виду, что мы платим какую-то амортизацию. Ну раньше, в старое время. Так это, я думал, идёт на капремонт. Теперь, оказывается, ещё отдельный капремонт.

Сергей Собянин: Какую вы амортизацию платили?

Сергей Доренко: Какую-то мы платили...

Сергей Собянин: Да никакой вы не платили амортизации.

Сергей Доренко: Что-то мне жена сказала...

Сергей Собянин: Да нет, не платили. Вы платили за текущий ремонт и за текущий...

Сергей Доренко: Что-то мы платили.

Сергей Собянин: За текущий ремонт действительно платежи есть, но текущий и есть текущий ремонт: это покрасить, побелить, лампочку заменить.

Сергей Доренко: Вы хотите...

Сергей Собянин: Мы ничего не хотим, Сергей...

Сергей Доренко: Вот смотрите, парень говорит, в 2039 году у них назначен срок. В 2039-м!

Сергей Собянин: Сергей, мы ничего не хотим. Была в постсоветское время приватизация жилья?

Сергей Доренко: Ну да.

Сергей Собянин: И если раньше собственник отвечал за жилье, то теперь собственником стало не государство, а сами граждане, которые на 80 процентов приватизировали или приобрели в собственность это жильё.

Сергей Доренко: Это правда.

Сергей Собянин: В результате оно стало негосударственным, оно в вашей собственности. Вы должны заботиться, ремонтировать его и так далее и тому подобное. А что такое отремонтировать жилой дом? Вот я хочу отремонтировать свой жилой дом, но вы не можете сам его отремонтировать, потому что у вас масса соседей, там живут тысячи людей иногда, в доме. Вам нужно самому их собрать, провести собрание, договориться...

Сергей Доренко: Посчитать.

Сергей Собянин: Да, посчитать денежки.

Сергей Доренко: Выцарапать глаза, потому что они не поверят в сумму.

Сергей Собянин: Но вы никогда их даже не соберете на собрание. Практика говорит, что половину жителей чтобы собрать — это нужно очень серьёзно потрудиться, очень сложно. А уж договориться о сумме, стоимости ремонта вообще невозможно. В результате что происходит? В результате дома начинают просто сыпаться.

Сергей Доренко: Ну обоснуйте 15 рублей... Я не понимаю. И ещё срок. Сергей Семёнович, подождите, я по жизни Вам скажу, я видел 1991 год, я видел 1993-й, как танки стреляли по Парламенту, я видел 1998-й, когда Сергей Кириенко что-то объяснял с Чубайсом. Я видел всё. Я видел две чеченские войны. А Вы мне говорите: «Мы отремонтируем, Серёжа, твой дом в 2040 году». А сейчас 2015-й. Я думаю: я, может, неживой уже буду, зачем мне это нужно?

Сергей Собянин: Сергей, это же очень просто: межремонтный период между домами определён износом конструкций и так далее, он составляет 30 лет. Вот от капитального до капитального ремонта должен быть...

Сергей Доренко: 30 лет?

Сергей Собянин: Не более 30 лет. Поэтому весь жилой фонд расписывается в этом графике, в течение 30 лет. Если вы скажете: «Нет, мне кажется, 30 лет — много, давайте сделаем каждые 10 лет капитальный ремонт», во-первых, ещё не все согласятся, чтобы каждые 10 лет долбили крыши, меняли стояки и так далее. Во-первых. Во-вторых, это будет просто в три раза дороже, потому что денег, которые вам надо собрать не на один ремонт в 30 лет, а на три, в три раза больше понадобится. Поэтому расписан максимально щадящий срок ремонта. И все дома — не все будут, как вы говорите, в 35-м году — они все расписаны по графику, в трёхлетнем графике, вы можете зайти и посмотреть, когда будет ремонтироваться ваш дом.

Сергей Доренко: Да?

Сергей Собянин: Стоимость этого ремонта, исходя из реальной стоимости материалов, которые необходимы для ремонта этого дома.

Сергей Доренко: Сегодняшняя стоимость?

Сергей Собянин: Сегодняшняя стоимость.

Сергей Доренко: А там, Бог весь, что будет.

Сергей Собянин: Вот смотрите, по поводу Бог весь, что будет. Если вы сами определили и сказали, что нам не нужен городской фонд, ну его в баню, давайте мы здесь сами соберём собрание, определим свой счёт, свою компанию, вот тогда точно вы будете думать: а что будет с этими деньгами через пять, через 10, через 20 лет? Если же определили оператором городской фонд, вам не нужно об этом думать. Вы платите денежки, и вне зависимости, сколько они будут стоить в тот или иной период, к вам придут и по графику отремонтируют.

Сергей Доренко: А Вы где их будете держать? Вот я, допустим...

Сергей Собянин: Мы не будем их держать, мы эти деньги сразу же пустим в оборот и будем ремонтировать те дома, которые подошли по графику. В этом и суть. Мы их не собираемся держать в банке, это не нужно. Более того, возможно, что мы даже будем кредитовать этот фонд ремонта, чтобы увеличить скорость ремонта.

Сергей Доренко: Я подумал, что я сдаю на [20]40 год...

Сергей Собянин: Ничего подобного.

Сергей Доренко: И там, типа, они где-то хранятся.

Сергей Собянин: Нет, Сергей, это так будет, если вы выбрали коммерческую структуру и договорились, что так будет. Но таких домов достаточно мало, около восьми процентов всего в городе, а все остальные выбирают городской фонд, где не нужно ждать, пока эти деньги вырастут или набегут проценты, ничего подобного. Фонд так не работает. Фонд работает в ежедневном, ежегодном режиме, ремонтирует те дома, которые подходят по графику.

Сергей Доренко: То есть мы платим сегодня за сегодняшние ремонты, а ребята, которые будут жить потом, они заплатят за ремонт моего дома, это как бы общая казна?

Сергей Собянин: Да, это общая казна.

Сергей Доренко: Почему 15 рублей? А почему не восемь? Вот восемь просят.

Эльвира Хасаншина: В Петербурге два.

Сергей Доренко: Два?!

Эльвира Хасаншина: Ну, Евгений пишет.

Сергей Доренко: Переезжаю.

Сергей Собянин: Сергей, мы должны быть ответственными и правдивыми. Если ремонт стоит 15 рублей, то нужно соответственно и устанавливать сумму. Если ремонт стоит 15 рублей реально, а вы собрали по семь, это означает, что через несколько лет вам отремонтировать будет нечем и график, который установили, — он будет не 30-летний, а 60-летний. Это означает, что через 30 лет ваш дом рухнет, а казна скажет: «Да нет, у нас этих денег нет». Вы скажете: «Мы же сдавали деньги». — «Мало сдавали денег». — «Так мы сдавали денег, сколько вы попросили...»

Сергей Доренко: Понимаю.

Сергей Собянин: Слушайте, надо быть ответственным, ответственным не сегодня, не завтра, а отвечать и перед тем, что будет дальше.

Сергей Доренко: Есть частные вещи, на которые жалуются люди. Вот, пожалуйста: Сергей Семёнович, запретили ягоды продавать. Это, значит, как... Ну, Вы знаете эту историю: Совхоз имени Ленина — Немерюк запретил им продавать у метро. Они там сгноили ягоду, и вот эта вся канитель.

Сергей Собянин: Да слушайте, это больше спекуляция. У нас создано 120 ярмарок выходного дня, пожалуйста, приходите и торгуйте на здоровье. Заявляйтесь через интернет там, не выходя из своего офиса, пишите заявки, мест достаточно. Процентом 20 сегодня пустых мест. Приходите и торгуйте на здоровье.

Сергей Доренко: Довольно много людей спросили конкретно о ЗИЛе, о территории ЗИЛа. Довольно много людей. Я хотел бы этот вопрос: что будет на этих территориях, для чего это?

Сергей Собянин: Мы предпринимали героические усилия для восстановления завода как такового, автомобильного. Все эти попытки результата не принесли. Мы пытались запустить производство старых «бычков», нам рассказывали о том, что они такие замечательные, если вы сделаете серийный выпуск, они найдут спонсора. Не нашли. Никакие инвесторы туда не пришли, в том числе, может, из-за кризиса. Поэтому мы приняли решение реорганизовать эту промышленную зону. Первая часть — мы уже находимся в стадии реализации. На части был построен и достраивается крупнейший в стране спортивный комплекс — это хоккейный дворец, ледовые арены, водный комплекс, в том числе чаша для синхронного плавания и так далее.

На второй части — строится там парковая зона, жилая зона, офисы, такая комплексная застройка с благоустройством набережной Москва-реки.

Сергей Доренко: А вообще промышленная Москва как таковая будет? Скажем, через 20 лет.

Сергей Собянин: Будет. Конечно.

Сергей Доренко: А что она будет выпускать?

Сергей Собянин: Ещё раз говорю, что мы, скорее всего, на мой взгляд, должны заниматься инновационной продукцией и создавать инжиниринговые центры, то есть обкатки. Мы должны создавать образцы продукции, которые дальше будут выпускаться уже на других заводах, имея массовое производство.

Сергей Доренко: Уже из сегодня существующих кого бы Вы назвали в качестве образца? Будут такие. Какие?

Сергей Собянин: Таким же образом на сегодняшний во многом работает Объединённая авиационно-строительная компания...

Сергей Доренко: Это не Хруничева? Нет, Хруничев немного другое.

Сергей Собянин: Нет. Но в том числе роскосмосовские тоже проекты. Они больше концентрируются на разработке новых технологий, новых образцов, а серийное производство всё больше и больше на периферии. То же самое делает Ростех, Росатом и так далее. Такие глобальные корпорации, которые у всех на слуху, они все идут одним и тем же путём.

Сергей Доренко: Зависть регионов. Вот пишет человек 16. А Вы бы могли свой город вдобавок указать? «Москва жирная и самодовольная. У нас метро не строится вообще, а у вас по несколько станций в минуту. Как же мы будем к вам относиться?» — пишет 16-й. Эй, какой город? Можно указать? Он не указывает, какой город, но в любом случае провинция. Из Омска звонят, говорят: завод «Полёт» работает на Хруничева, все налоги идут в Москву, нам только идут ядовитые отходы. Значит, «Сибнефть» увели тогда ещё, давно, в Петербург, мы нищие, мы голые, мы умираем, всё.

Сергей Собянин: Это не так тоже. В «Полёт» вкладываются большие деньги, серьёзные деньги на реконструкцию этого завода и создание новых производств.

Сергей Доренко: Но вот диспропорция развития Москвы и регионов не тревожит Вас?

Сергей Собянин: Ничего подобного. Если вы посмотрите инвестиции не в общем котле, потому что город большой, огромный, здесь живут постоянно 15 миллионов человек, конечно, сопоставлять объём инвестиций в Москву и, скажем, Тверь или Владимир невозможно, но, если вы посмотрите объём инвестиций на душу населения, на человек, которые проживают, Москва ничем особо не выделяется. Наоборот, она...

Сергей Доренко: На душу населения...

Сергей Собянин: Да, отстаёт от некоторых регионов, просто у нас они сконцентрированы на маленьком пятачке, они очевидны, они видны. И эта концентрация даёт свои плюсы, эффект. Быстро можно развивать инфраструктуру, благоустраивать и так далее, потому что для этого требуется

меньше денег в удельном исчислении.

Сергей Доренко: Несмотря на огромную площадь, Москва не задыхается? Вот Вы не дошли до границы какой-то, после которой надо всё-таки захватить Московскую область? Нет?

Сергей Собянин: Московская область развивается ещё большими темпами, чем Москва. Вы знаете, что они строят в два раза больше, чем в Москве. Поэтому ничего не надо захватывать, это Московская область, скорее, захватывает.

Сергей Доренко: Хорошо. Я хотел бы поблагодарить Вас за то, что Вы выделили время, я должен извиниться перед слушателями, потому что я не включал... Видите ли, было очень много концептуальных больших вопросов, может быть, если Вы сможете к нам прийти снова, мы дадим и в наушники Вас послушать людям. Потому что у нас...

Сергей Собянин: Во-первых, должен сказать, Сергей, что все вопросы, которые поступали в вашу студию, я заберу с собой и...

Сергей Доренко: Мы перешлём.

Сергей Собянин: И мы ответим на эти вопросы. И я думаю, что эта наша встреча не последняя.

Сергей Доренко: Я тоже очень надеюсь.

Сергей Собянин: Спасибо.

Сергей Доренко: Спасибо. С нами был Мэр Москвы Сергей Собянин.

Источник информации - портал Правительства Москвы.

Адрес страницы: <http://izmaylowo.mos.ru/presscenter/news/detail/2028596.html>

[Управа района Измайлово](#)